

К тому же неизвестно, какую дозу лекарства налил Чан Дэфу, большую или маленькую. Тело Юн Ци было слабым, ещё неизвестно, выдержало бы оно или, возможно, нет. И сейчас Юн Ци с трудом держался. От всех этих мыслей лицо Юн Шаня слегка омрачилось.

Юн Шань украдкой посмотрел на брата, который, в свою очередь, также тайком поглядывал на него.

Юн Ци не догадывался, о чём думает Юн Шань, и единственное, что он мог делать, — это лишь незаметно бросать на него косые взгляды, ведь сам юноша был очень робким. Такое безобразное поведение сразу же было замечено Юн Шанем, от природы безжалостным младшим братом. Становилось непонятно, к каким последствиям это всё приведёт. Юн Ци видел, как Юн Шань изменился в лице, став ещё страшнее. Кроме того, он считал, что из-за Юн Шаня, который по-прежнему держал его руку, прижимая к себе, у него так и не появилось возможности усмирить это никчёмное, никудышное и возбуждённое тело. Также юноша понимал, что причина, по которой семья Сунь потерпела поражение в борьбе за трон, а матушку неожиданно взяли под стражу, заключалась в его собственной бездарности как наследника престола. Уж лучше быть посредственным, чем стать бесстыдником, делая подобные вещи с человеком, который тебя презирает и превращает каждый твой день в кошмар.

Чем больше Юн Ци думал об этом и испытывал чувство стыда, тем сильнее содрогалось его тело.

В глубине иссиня-чёрных глаз желание и отчаяние смешались воедино, превратившись в густой туман.

Юн Шань по-прежнему держал старшего брата в объятиях. Даже когда Юн Ци лишь слегка приподнял брови, Юн Шань тотчас же это заметил. Увидев его таким, в душе Юн Шаня всё похолодело. Столкнувшись с таким старшим братом, Юн Шань, в свою очередь, понял, что потерпел неудачу, и с тихим вздохом проговорил:

— Ты жесток. Незачем плакать, я отпускаю тебя. — И действительно, его хватка ослабла: юноша выпустил Юн Ци из объятий.

Юн Шань беспокоился, что Юн Ци будет недоволен, ведь он может потерять лицо перед младшим братом, вытворяя с собой такие постыдные вещи. Не без усилия юноша повернулся в другую сторону и совершенно безэмоционально проговорил:

— Остайся здесь, а я выйду.

Поднявшись с места, Юн Шань опустил голову и посмотрел на уже давно возбуждённый член, который оттопыривался, приподнимая ткань его одежды, словно раскрывая все его замыслы.

Это разозлило Юн Шаня.

По своей натуре он был холодным, надменным и очень одиноким, даже к себе он относился не так уж бережно и в данную минуту всем сердцем ненавидел себя за проявление этой лёгкой слабости, что выпирала у него из-под одежды. Юн Шань мучал Юн Ци, не позволяя тому излиться, только вот досада — он сам оказался никчёмен. Если бы не его жадность и необузданность, с которыми он неоднократно приставал к Юн Ци, желая заполучить его, то разве бы он, Юн Шань, оказался в таком унижительном положении? Пострадал по своей же вине! Так чем же он лучше попрошайки?

Сейчас именно он потерял лицо!

Злость Юн Шаня, быстро распространяясь по венам, словно горный поток, нашла выход и выплеснулась наружу. Юноша прекрасно понимал, что если оставить всё как есть, то это причинит ему боль. Скрежеща зубами, Юн Шань вытянул руку вниз, запустил ладонь между бёдер, обхватил крайне нежную, возбуждённую плоть и, действуя с такой же закоренелой настойчивостью, какую он проявлял по отношению к Юн Ци, начал, не останавливаясь, скользить по ней вверх-вниз, смело сжимая пальцами и доставляя себе удовольствие.

Член — самая чувствительная часть тела мужчины. Если в обычном состоянии можно причинить себе боль, лишь слегка поцарапав его, то сейчас, когда он был налит кровью, с ним, само собой разумеется, нужно было обращаться нежнее, а не делать всё, что взбредёт в голову. От грубых ласк Юн Шань почувствовал резкую боль, которая сразу же отдалась в голове. Юноша не выдержал и, жалобно простонав «а-а», припал к земле, согнувшись пополам. В лице Юн Шаня, которое было перекошено от боли, не было ни кровинки.

Юн Ци, которого только что отпустили, едва успел перевести дыхание, как внезапный вопль Юн Шаня заставил его обернуться. Увидев, что младший брат изгибается на земле, Юн Ци испуганно выпалил:

— Юн Шань! — И бросился к нему.

— Я не нуждаюсь в тебе! — Отмахнулся Юн Шань от руки Юн Ци. Со сбивчивым дыханием юноша поднялся на ноги, его губы были болезненно-бледными. Но, несмотря на эту бледность, Юн Шань холодно усмехнулся:

— Раз мне нельзя прикасаться к тебе, то неужели мне нельзя трогать и самого себя?

Рука Юн Ци, которую он протянул Юн Шаню, застыла в воздухе.

Сбитый с толку старший брат блестящими глазами смотрел на младшего.

Когда Юн Шань заглянул ему в глаза, его жестокое сердце разбилось вдребезги. Он ещё какое-то время со злостью смотрел на Юн Ци, но вскоре его взгляд резко изменился, став немного мягче. Преклонив одно колено, Юн Шань опустился перед старшим братом и, подняв голову, умоляюще прошептал:

— Любимый старший брат, тогда представь, что я — Юн Линь, и позволь мне помочь тебе излиться. Если ты скажешь, чтобы я остановился, я сразу же остановлюсь. Я ни в коем случае не сделаю тебе больно. Ты просто представь, что я — Юн Линь.

Юн Ци замер.

Перед ним стоял младший брат, который совсем не был Юн Линем. И Юн Ци это прекрасно понимал.

Однако действительно ли это Юн Шань? Этот человек, беспощадный, холодный, мрачный и заставляющий с самого детства подсознательно избегать его, — Юн Шань? Лекарство уже ударило Юн Ци в голову, сжигая его разум, а те оставшиеся от огня угольки, что были окутаны туманом, спутаны и пребывали в неясном замешательстве, вновь разгорелись, обжигая и пронзая тело тянущей болью.

— Юн Шань, я...

— Старший брат, любимый старший брат, ты мне как-то раз обещал и дал согласие.

Юн Ци почти что не слышал нежных слов Юн Шаня. Поначалу юноша хотел покачать головой, но, увидев, с какой надеждой в глазах Юн Шань смотрит на него, Юн Ци застыл на месте, не в силах пошевелиться, будто он находился в ночном кошмаре. Юн Ци понимал, что, дав согласие, он совершит ошибку, но и отказать ему было невозможно. Грудь поднялась и опустилась, а с губ сорвался тихий вздох.

Долгое время находясь в смятении и одурманенном состоянии, юноша вытянул руку, словно хотел прикоснуться к лицу Юн Шаня, чтобы удостовериться, были ли эти печаль и надежда реальными.

Юн Шань словно обезумел от счастья. Крепко стиснув протянутую к нему руку, юноша влюблённо прижал ладонь к лицу и начал, ластясь, тереться о неё.

— Любимый старший брат, — нежно шептал он. Сжимая в ладонях белоснежную руку Юн Ци, юноша проводил ею по своим векам, щекам, подбородку и наконец губам, которые тотчас же стали покрывать поцелуями нежную ладонь Юн Ци.

Юн Ци стало неловко:

— Юн Шань, хватит.

Юноша вытянул свободную руку не для того, чтобы отбиться от младшего брата, а чтобы высвободиться из нежного плена, толкнув Юн Шаня в плечо. Но увидев, как младший брат счастлив, словно ребёнок, Юн Ци не решился его безжалостно оттолкнуть. Юн Шань нежно

держал руку старшего брата в своих руках и ласкался, словно женщина к своему возлюбленному, показывая, насколько сильно он его любит.

Юн Шань, беспорядочно покрыв ладонь Юн Ци поцелуями, вновь не устоял и кончиком языка скользнул по коже. Нежная ладонь Юн Ци была чувствительной, а касание тёплого и влажного языка вызвало непристойное наслаждение, которое внезапно поднялось выше, достигая предплечья. Это удовольствие превратилось в огонёк, который словно по дорожке из разлитого крепкого вина скользнул к низу живота.

— Ах! — Юн Ци не выдержал и задрожал, испуская до крайности соблазнительный стон.

— Старший брат, я помогу тебе. — Приблизившись, с неподдельной искренностью проговорил Юн Шань.

Юноша всё ещё стоял, преклонив одно колено, и, пользуясь этим положением, развязал пояс Юн Ци. Сначала ему хотелось полностью раздеть старшего брата. Но вспомнив, что его возлюбленный слишком застенчив, Юн Шань, чтобы ещё больше не усложнять положение, подавил своё желание увидеть столь прекрасное тело, которое было услугой для его глаз. Он осторожно запустил руку под одежду, чтобы приласкать возбуждённый член его дорогого и любимого Юн Ци.

Несмотря на то, что он действовал почти вслепую, Юн Шаня это нисколько не огорчило, наоборот, он по-прежнему был очень счастлив.

Сегодня Юн Ци без всякого жеманства позволил прикоснуться к себе, что уже можно было считать исключительным милосердием. Раньше, сколько бы он не брал Юн Ци, юноше всё равно приходилось связывать его, прибегать к насилию и угрозам. Прошлое не шло ни в какое сравнение с сегодняшним днём, днём, когда между ними зародились тёплые чувства.

— Ум...

— Мы здесь одни, только ты и я, старшему брату не нужно сдерживаться. Если захочется кричать, кричи.

Юн Шань немного приблизился и, почти прижимаясь к дрожащему телу Юн Ци, очень ласково проговорил:

— Не стоит беспокоиться насчёт слуг: если они осмелятся распускать за спиной ужасные сплетни про старшего брата, то я им тотчас же отрежу языки. Вытянув свободную руку, Юн Шань нежно обвил талию Юн Ци, чтобы придержать его, в то время как его вторая рука аккуратно скользила под платьем, лаская член Юн Ци.

С губ Юн Ци срывались тихие стоны. Вскоре юноша уже с трудом сидел прямо, и если бы не

Юн Шань, который аккуратно поддерживал его за талию, то Юн Ци готов был чуть ли не разомлеть на стуле.

— У-у! Ах... Юн Шань... Ха-а... Не...

— Так?

— У-у... Ах! Ах! Юн Шань... Юн Шань...

Хаотичное дыхание вырвалось из лёгких. Тонкие крылышки носа взбудораженно то расширялись, то сужались, но и этого уже было недостаточно, и тогда Юн Ци слегка приоткрыл рот, получая нестерпимое удовольствие от нежных ласк Юн Шаня.

Юн Шань обольщал, соблазняяще говоря:

— Будь паинькой, также позови меня по имени, как ты это делал только что.

— Приласкай... Ум-м! Там... То место... Ах!

— Здесь?

— У-у...

Юн Ци запрокинул голову назад, соблазнительно выгибая шею и сводя Юн Шаня с ума.

— Оказывается, старшему брату нравится, когда я глажу эту маленькую дырочку.

— Ты... У-у... Ты, ты... Ум-м! Ха...

Юн Шань, боясь, что юноша вновь разозлится, поспешно и ласково проговорил:

— Я оговорился, старший брат очень порядочный человек. Это местечко... Всем мужчинам нравится, когда его трогают. — Слегка понизив голос, юноша добавил: — Старший брат, твоя мошонка тоже увеличилась — это никуда не годится. Младший брат поможет тебе их размять.

— А-ах... Умг...

— Так увеличились, должно быть, семени выйдет много?

— Ох... У-ах...

Юн Ци тонул в море желания, чувствуя, как неземное наслаждение сводит его с ума. Юноша не знал, когда именно он вцепился обеими руками в одежду Юн Шаня, сжимая её так сильно, что его пальцы побелели.

— Скоро старший брат изольётся. Тц, такая нежная дырочка... Если её погладить, будет ли приятно?

— А-а-ах... Юн Шань... Не... У-у, не надо...

— Я не сделаю старшему брату больно, правда. Я не лгу. — Голос Юн Шаня звучал очень нежно:

— Ещё немного, и старшему брату станет намного приятнее. Я не обманываю.

Юн Шань скользил ладонью по члену Юн Ци, создавая хлюпающие и непристойные звуки, которые тотчас же заполнили собою пространство. Воздух в залитой солнцем комнате стал влажным, в нём витал запах страсти и желания.

— Умн... Ха... Ах...

— Старший брат, тебе приятно?

— М-м... Там не надо... М-м...

Юн Шань прошептал:

— Если старшему брату приятно, то он позволит мне потом снова доставить ему удовольствие?

Все слова Юн Шаня доносились до Юн Ци как сквозь толщу воды. Сам юноша хаотично мотал головой, его упавшие на лоб волосы были мокрыми от горячего пота. Под влиянием лекарства Юн Ци ощущал возбуждение и сладкое онемение, которое он ещё никогда не испытывал.

— Старший брат, ты действительно очень красивый.

— А-ах... Ха-а-а... М-м...

— Старший брат, ты знаешь? На самом деле... Я...

— Ум... Ах! Юн Шань... Юн Шань...

— ...Я здесь.

Сейчас лицо Юн Ци выглядело очень нежным, его брови были словно нарисованы, а глаза переполнены любовью. В блуждающем взгляде можно было увидеть ничем не прикрытое очарование и соблазнительную привлекательность. К тому же юноша напоминал сбившегося с дороги и смирившегося с судьбой молодого оленёнка, бестолкового, но в то же время способного одурманить разум любого человека, тем самым сводя того с ума.

Стоило Юн Шаню слегка остудить пылающее до этого пламя страсти, как оно разгорелось ещё сильнее. Он недавно кончил, но его член вновь наливался кровью, и юноша начал возбуждаться. Из-за того, что Юн Шань не отнёсся к своему достоинству с должным вниманием, оно увеличилось в объёме и стало ныть от пронизывающей боли.

При других обстоятельствах ему удавалось сдерживать себя.

Лаская под одеждой член Юн Ци, опьянённый Юн Шань поднял голову и посмотрел на чувственное лицо старшего брата, который утопал в море удовольствия. Боль, что охватывала бедра юноши, уже была нестерпимой. В этот момент Юн Шань взял и тихо поднёс руку Юн Ци, что сжимала его одежду, к своим губам и начал нежно покрывать её поцелуями. Один, второй. Не выдержав, юноша тихонько скользнул языком по слегка солоноватой коже, оставляя на ней влажный след.

Как только кончик языка скользнул по нежной ладони, юноша сразу же почувствовал лёгкий аромат Юн Ци.

Медленно опустив взгляд, Юн Шань посмотрел на белую, словно нефрит, ладонь, ставшую влажной от языка, и заметил ещё две капли воды.

Только тогда Юн Шань понял, что, как глупец, захлёбывается слезами, которые неизвестно когда хлынули из глаз.

<http://bllate.org/book/13372/1189573>